

Прогулки с Пушкиным. Весна 1999 года

Рос. газета. — 1999.
— 8 мая. — с. 5

ПОЭЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Честно говоря, нам давно хотелось еще раз побывать в Михайловском. Снова испытать то чувство легкой отрешенности от злобы дня и материализованной пушкинской поэзии, которая, казалось, прописалась здесь навсегда. Но мечтам не суждено

сбываться. Сегодняшняя действительность совсем не походит на поэзию, скорее — на прозу, причем гоголевскую. Неотвратимо приближающийся юбилей всемирно любимого поэта делает эту стилистику еще очевиднее.

ПОЧИТАТЕЛИ нашего великого поэта уже смирились с неизбежным: поведешь в Михайловское — попадаешь в Пушкиногоры. Имеющие тонкий языковой слух на первых порах вздрагивают от этакое косноязычного названия. Перед взором встают "пушки с палубы палат" или то лучше: обдираемые на пушину тушки зверьков. Называть свое местожительство благозвучно Пушкинскими Горами жителей не заставили и под дулом автомата, ибо существуют непреклонные законы устной речи, которые так хорошо понимал Александр Сергеевич и не принимали во внимание те, кто так странно его увековечил. В итоге поэт, пожелавший быть похороненным в Святых Горах, похоронен в Пушкиногорях. Кому это может показаться несущественным. Но мы давно уже заметили, что название каким-то удивительным образом всегда влияет на качество жизни той местности, которую оно именует.

Сегодня в Пушкиногорском районе Псковской области проживают всего около 14 тысяч человек, половина из которых — на селе. На 6 тысяч трудоспособного, но далеко не всегда работающего населения приходится 4 тысячи пенсионеров и 1153 ребенка, из коих в деревне — лишь 903. Нетрудно заметить, что от бесстрастных цифр веет печалью будущего запустения этих и без того малолюдных мест.

Когда-то (но не сейчас) одна восторженная девица, посетив места ссылки "опального поэта", уверяла нас: "Здесь прямо физически ощущаешь присутствие духа Пушкина!" Если это так, то духу Александра Сергеевича остается лишь посочувствовать. Доносится ли до него скрежет новой? Посещает ли он вновь "тот уголок земли, где я провел изгнанником два года незаметных"? За хроническим неимением у местной администрации машины "на ходу" придется попросить генеральную тень послужить нам гидом.

Первым делом, конечно же, наш легкорылый вожатый повлек нас в "приют спокойствия, трудов и вдохновения", короче говоря — в деревню. На первый взгляд псковская деревня все та же, что и 200 лет назад: все те же раскисшие грязные дороги, все те же серые избы, поленицы дров и дым из труб ввиду отсутствия газа, бабы с коромыслом на плечах, не первой свежести мужик, обласканный зефиром и предавшийся на свежей весенней травке Морфею. Но называется это по-новому, в подарок "энциклопедисту русской жизни": спад сельскохозяйственного. Из 11 пушкиногорских "товариществ" (бывших колхозов) все до единого убыточны.

Урожайность, которой добились в прошлом году на своих полях пушкиногорские крестьяне, поистине достойна быть внесенной в Книгу рекордов Гиннесса. Честно говоря, даже за Полынный кругом такого не встретишь: 6 центнеров с гектара! Уже два года как перестала здесь родить картошка. Из 6 тысяч колхозных коров в "товариществах" осталось 2300.

Говорят, царь вернул долги Пушкина. Может быть, так оно и было, но и по сей день имя поэта возглавляет все черные списки должников, к примеру перед Пенсионным фондом (на март 1999 года): АО "Пушкиногорский льнозавод" — 321,2 тыс. рублей, ТОО имени А.С. Пушкина — 332,4 тыс. рублей, совхоз "Пушкиногорский" — 182 тыс. рублей.

Но не будем забывать, что Пушкиногорский район уникальнейший: треть его площади входит в состав государственного историко-литературного музея-заповедника. Ностальгия по ушедшим временам звучит в голосе Екатерины Катаевой: "До рыночных реформ прямых поступлений в бюджет района доходной части мы не имели. Но мы получали как бы через товарооборот, через наши обслуживающие организации: турбазу, гостиницу, сеть ресторанов. В год принимали где-то 600—700 тысяч туристов. Каждый, кто отсюда уезжал, то сувенир увозил, то лягушку то книжку, то еще что-то. Товарооборот был большой. Проживание в гостинице. Питание в ресторанах и на турбазе. Люди оставляли деньги. Но с введением рыночных реформ турист к нам не поехал..." Почему? Речь впереди.

Понятно, что юбилей великого земляка в Пушкинских Горах воспринимает как хороший шанс на верстать упущенное, привлечь к себе внимание и оживить экономику района. "Может, как-то повернется и поедет к нам туристы", — надеется Екатерина Катаева.

Но для начала необходимо было вложить в музейно-туристическую инфраструктуру немалые средства. По словам Екатерины Катаевой, в проекте Программы подготовки к 200-летию Пушкина речка шла о 43 миллионах рублей. По мере поступления в район жилищных средств восприняли и ме-

стные организации: строительные, дорожные, мелиоративные, деревообрабатывающие. Мы тому свидетели: подготовка к юбилею идет активно — все строится, чистится, обновляется, стучит, рычит, грохочет. Предприятия срочно начали дополнительный набор рабочих. Как результат: если в 1994—1995 годах в районе было более 1 тысячи официально зарегистрированных безработных (каждый шестой трудоспособный), то на сегодня их числится 342.

Пушкиногорцы ясно дают себе отчет, какое значение имеет "пробывание духа Пушкина" в их краях. Об этом говорили все с разной степенью откровенности. Из особо запомнившегося: "Надо сказать спасибо, что Александра Сергеевича сослали сюда. Благодаря этому наш поселок чистый, красивый, уютный". И лаконичное: "Покорник нас прокормит". Мы потеряли дар речи...

Вообще-то мы наивно предполагали, что знаем, куда едем. Раньше сюда рвали, лишь бы "дохнуть воздуха", которым дышал Пушкин. Но не только. Это был воздух Гейченко и Довлатова, можно сказать, спасающего здесь последние годы перед эмиграцией. И действительно удивительно легкий воздух. Воздух свободы и поэзии.

Вот с такими ожиданиями мы подкатили к зданию, очень напоминавшему "Мемцентр" в Ульяновске. Кто не знает: это такой мармориный саркофаг, покрывающий "Дом Ленина". Здесь все с какой-то неумной любовью к сокращениям называют его НКЦ. С некоторым умственным усилием мы расшифровали: это как "научно-культурный центр". Вокруг метров на двести простиралась безлюдная пустыня. Только мальчик выгуливал под крутыми фонарями своего коккер-спаниеля. Судя по многочисленным кучкам, эта охрестность была по достоинству оценена именно местными собаководами. Траншеи вокруг НКЦ (строительство плавало переросло в ремонт) придавали зданию военно-оборонительный вид. Первое впечатление укрепилось, когда мы сделали попытку проникнуть в культовое заведение. Пока выясняли нашу личность, звонили, заказывали пропуск и т.д., мы могли ознакомиться со здешней охранно-пропускной системой, которой, ей-Богу, позавидовал бы какой-нибудь оборонный завод. Расположенные по периметру телекамеры фиксируют крошечную пустоту вокруг НКЦ на мониторе в комнате охраны. Здесь же находится компьютер, который должен заносить в свою память, кто и когда вошел или вышел из объекта. Два охранника с радией время от времени совершают обход. Автоматический турникет призван не "пускать никого лишнего". Весьма оригинальная интерпретация идеи Гейченко о месте, где любители Пушкина и специалисты могли бы свободно общаться. Прямо скажем, бродящий сам по себе любитель Пушкина здесь по собственной воле и не появится. Вообще мы наблюдали здесь минимальный интерес только к туристу, организованному в группу, дисциплинированному и лихих вопросов не задающему. Что касается общения с научными сотрудниками, то оно поражающе лаконичностью и единодушием: у нас все хорошо, мы всем довольны. Это потом "независимые" от научных кругов местные жители объясняли нам: "Ну чего с них взять? Боятся!" Пресса в НКЦ также с распростертыми объятиями не встречается. Директор заповедника оказался для нас недоступен. Секретарша разъяснила: "У него руководителя районного масштаба, — и, подумав, — а может быть, и областного". Эх, Семен Степанович (Гейченко), как мы вздохнули по вас! В транспорте нам также категорически отказали. Вообще за эти четыре дня мы столкнулись с таким количеством запретов, требований брать разрешение, выписывать пропуски и т.д., которое навеки должно отбить охоту у каждого нормального человека второй раз посетить сей "уголок земли".

Простые пушкиногорцы оказались гораздо более разговорчивыми. Все, с кем нам довелось говорить, главной достопримечательностью предстоящего юбилея называли... нет, не домик Пушкина и не аллею Татьяны, а строительство... общественного (говорят, платного) туалета. Мы-то наивно думали, что стройка, которую мы всякий раз проходим, — это обычный возводимый очередным "новым русским" коттедж в "ихнем ново-

русском вкусе" с обязательными арками и красным кирпичом. Глядя на это сооружение, начинаешь понимать мотивы, по которым руководство заповедника не горит желанием обнародовать расхoduную часть юбилейного бюджета. Если, по прикидкам местных специалистов, на сигнализацию должно было уйти порядка 270 тысяч рублей "новыми", то туалет-дворец, похожий, влетел тоже в немалую копеечку. Конечно, строительство подобного заведения назрело уже давно. Но нюанс в том, где и какой. А какое количество анекдотов по этому поводу уже рождено на пушкиногорской земле! Конечно, зрелище комическое: роскошное здание, где — за плату... и дремучий лес вокруг... Здесь уж не о Пушкине, о Гоголе впрямь вспомнить. Успокоительные заверения некоторых руководителей о том, что это обще-

Ольга Иванова ЯКОВЛЕВА («Арина Родионовна»): «...и уснула могила Гейченко»

ственное заведение после юбилея будет переоборудовано в... кафе, вызвало настоящую бурю народного сарказма.

ГИГАНТОМАНИЯ привела к странной ситуации. Второе после НКЦ по роскоши здание туалета затмило своей архитектурной псевдозначительностью не только жилища местного населения, но и скромные дома в Михайловском, Тригорском и Петровском, не говоря уже о тихой могиле поэта, которая находится тут же, неподалеку от сооружения, в Святогорском монастыре.

Наконец, хочешь не хочешь, но придется нам рассказать и о главном — о святых для каждого русского мест. Каемся, на засекреченный объект "Михайловское" мы так и не проникли, хотя и сделали попытку сунуться (без пропуска!) в охраняемую зону. Оно, конечно, понятно. Идет реконструкция, а поддела, как известно, не всякому обязательно средних умственных способностей надо показывать. Оно и понятно: ведь вот Тригорское отреставрировали уже, а некоторым "постоянным посетителям" плохо становится.

Сначала мы не поняли, что же такое с Тригорским произошло. Вроде все знакомое, и в то же время все не так. Ну местность лысая как колено — ладно, может быть, весна не время кудрявиться. Присмотрелись — и "крыша" у нас поехала. Слово какой-то мальчишеско-лапостник взял и все, что сделал его папаша, переделал задом наперед. Мелочь какая-то. Лежали пополюсь вдоль, теперь — поперец. Комната была темно-синяя, теперь — фиолетовая. Занавесочки висели простенькие, домашние, сейчас — тяжелые, зашитые шторы, за которыми ничего не видно. Экскурсовод уверяет, что "в какое-то окно Пушкин тут к друзьям не перелезал". А перед глазами встает нелепая картина барахтающегося в официозных портях Александра Сергеевича.

Хорошо, "дух поэзии" оставим в покое — его приватизировали местные пушкиноведы, им и спорить. Попытались было мы плотненько "воз-

дух свободы", но можно ли дышать в вакууме? Попытки поделиться нашими сомнениями с "музейниками" разбивались о скалу каменных лиц и опущенных в землю глаз. И вдруг наш ошарашенный всем увиденным взгляд упал на лицо женщины, выражавшее полное понимание. Мы явно были не единственные такие, и она уже предвидела нашу реакцию: "Куда мы попали?" — этот вопрос задавали, оканчиваясь, не мы первые. Мы немного успокоились: значит, с нашей психикой еще не все так плохо.

Старший научный сотрудник Лариса Левкова сразу призналась: "Конечно, я тоже опасалась. Но с этим страхом нужно бороться. Вот Лотман пишет в своих "Беседах о русской культуре": 10 лет страха, и человек деградирует. Представляете? Сколько преследовал страх в России!"

Мы, конечно, к чему-то подобному были уже подготовлены всеми предыдущими пушкиногорскими впечатлениями, но сочетание слов "страх" и "Михайловское" казалось настолько невозможным, что пришлось пуститься в более глубокие изыскания в области природы этого страха. В результате

бок с домиком Пушкина! И что там Гейченко поведывал: пили четыре километра пешком по лесу, осознавая приближение к святыне! "Денежный мешок" сейчас деловой пошел: время — деньги. Ты его коттедж прямо к Пушкину перенеси, пусть глядит на "ветхую избушку" и тешит самосознание своего величия.

Ну не понравилась "премнику" Гейченко, Георгию Васильевичу, концепция вращивания на земле Михайловского самосознательной личности — ну да все бывает. Но решил он "эту дурь" из головы подчиненных повыбить.

БЕЖАВШИЕ на "островок свободы" интеллигенты, отдавшие всю жизнь заповеднику до такой степени, что и детей родили в самый последний момент, оляделись и увидели себя в западне: хитрая безработица, безденежье, музейное жилье, маленькие дети — деваться некуда. Хочешь жить — молчи. Но куда его, это самое самосознание, деть, коли оно уже взросло?

Все дальнейшее напоминает в лучшем случае хронику из жизни коммуналки. Мы уже поняли, что самое святое слово в пушкинских местах нынче "нельзя" или "запретить". Поэтому обвинение Бутриной в том, что она разрешила группе школьников посмотреть тогда еще реконструируемое Тригорское, звучало очень серьезно. Не будем вдаваться даже в "разрешила — не разрешила". Бутрина — рассказчица. "Я должна была написать письмо на имя директора этой петербургской школы, что администрация запрещает той руководителнице, которая школьников провела в Тригорское, впрямь ездить в заповедник и возить туда детей". Валентина Филипповна писала такое письмо не стала, за что и была вызвана "на ковер" к Васильевичу. "Он требовал, чтобы я встала, закрыла рот и слушала его, непременно стоя", — говорит Валентина Бутрина. — Я сказала: я — женщина, я не встану. А он сказал: а я — ваш директор, я вам приказываю. Я говорю: тогда я покину кабинет. А он нег, я вам приказываю — остаться и стоять. После этого меня увезла скорая".

Ну, как вам, Александр Сергеевич, плохо не стало? Рука к пистолету не тянется при виде немалой ученой дамы, стоящей во фрунт перед начальственным господином? Да куда там! Улетел! Растаял дух Пушкина! Дальше — больше. Из заповедника был уволен муж Бутриной Женя Петров. Будь наша воля, мы бы возили туристов в музейную деревню Савкино. Никакого нововдела, подлинная деревня с бытом не позже XIX века. И в этом быту — реликтовый интеллигент-шестидесятник Женя Петров. Деревня "музейная" совсем не потому, что она — музей под открытым небом: просто здесь живут музейные работники. Из достижений цивилизации — только свет. Улица: грязь — по колено. Вот уже скоро год, как поломавшаяся деревенская колонка, у заповедника на починку "денег нет". Пенсионеры-музейщики, которые в основном здесь и живут, таскают не первой чистоты воду из колодца, где ее никак не хватает на всех. Избушка Бутриной — в конце деревни, на самом обрыве. Кажется: вот-вот сосоченная сползет прямо в синие воды Сороти. Делят они его еще с одной семьей. Всего на Валентину, Женю Петрова и их 12-летнего сына приходится 12 квадратных метров полезной (то есть вместе с кухонькой и печкой) площади. Женя встретил нас за самым обычным занятием: колкой дров. Это — се-добородный... ну нет, не старик, хоть и пенсионер... "Женя Петров" к нему идет так же гармонично, как уе привычные нам Вася Аксенов, Булат Окуджава, да и Гейченко здесь называют не иначе как "Семен" — короче, знакомый симпатичный типаж. Комнатка, заваленная книгами, "новыми мирами", папками с рукописями, — дом родной каждому творческому человеку. Женя — был одним из лучших экскурсоводов, ибо не по "Макагонку" бубнил, а парил в свободном полете. Работал он еще с Довлатовым, в близких друзьях, по собственному признанию, не ходил, но за бутылочкой пива посидеть любил. "14 рублей на круг получал, — вспоминает он. — Тогда это были неплохие деньги. Где-то 200 рублей в месяц можно было заработать, то есть можно было жить. Сегодня — 30 рублей за четыре музея расценки. Уважающий себя человек не будет работать за эти деньги. Я лучше пойду на паперты. Вот выйду к Святогорскому монастырю, с цыганятами встану, открою рот беззубый и шапку свою реваню — и мне положат". То, что положат, вне сомнения, уж больно колоритна у Жени внешность. Но в том-то и дело, что не пойдешь и не встанешь, а несмотря на "30 рублей", тоскует по своей работе экскурсоводом, да и лишняя

тридцатка никак не помешает, если втроем они живут на его 300 рублей пенсии плюс 500 рублей зарплаты жены.

Несмотря на роскошную седую бороду, стилизованную безалаберности Жене Петрову не занимать. На борьбу жены и ее подруг он смотрел до поры до времени со стороны, до него доходили всякие неджентльменские высказывания в сторону "опозиционерок". Вулкан кипел, но пришло время и взорваться. Случилось это нелепо. В тот день Женя получил зарплату. В честь такого радостного события он купил себе в подарок бутылку пива и опустошил ее в обеденный перерыв. Затем он пошел в магазин, где встретил одного из восьми замдиректоров с супругой. Произозили какие-то выяснения типа: "Кто последний?" — "Вас здесь не стояло", короче, плуто. Пошли выяснять отношения. Женя Петров признает: "У меня есть такая слабость. Я говорю то, что думаю. О делах и о людях. Ну кто это может выдержать?!" Дальше каждый поступил соответственно своему пониманию порядочности. Женя рубанул правду-матку на тот счет, как нехорошо "пригibasь под начальством". А "один из восьми замначей" просто написал на имя босса докладную (в просторечии это называется: наступать) о том, что Петров находился в "нетрезвом виде". Это — не только личное дело, это — два стиля существования. Сегодня в Пушкинском культурном заповеднике главенствует второй.

Трудно было не воспользоваться случаем, чтобы не нанести сокрушительный удар по "опозиции". Женя Петров был уволен, и на старости лет ему грозит реальная возможность забомжевать вместе с семьей. В руках его "научных оппонентов" последний козырь: его 12 метров полезной ведомственной площади в ведомственной деревне. Ах, Александр Сергеевич, какой там воздух свободы! Захватывающий — и бежать!

Но бежать ни Ларисе Левковой, ни Жене Петрову некуда. Надо жить здесь, оставаться человеком и отстаивать тот пушкинский мир, который они когда-то строили вместе с Семеном Гейченко. В Тригорском у Ларисы Левковой один из любимых экспонатов — тот самый самовар, из которого пил чай Пушкин. Он прошел через все пожары и разрушения, революции и войны. И вот теперь стоит мудрый и невозмутимый. Мы погладили его по холодному боку, держась, брат! И отлетающий дух Пушкина в ответ тихо, прошлепал: "Товарищ, верь, взойдет она."

Д ОРОГУ в Михайловское каждый выбирает по себе: можно по грязи через поле, а можно по асфальту через деревню Бугрово. Гейченко все время тебя как бы на перепутье ставит. Идешь-идешь, камень стоит: "Направо пойдешь — в Михайловское попадешь, прямо пойдешь — в Тригорское придешь". Мы свернули в Бугрово. Когда-то здесь то густым потоком, то жиденькими ручейками шли люди. Сейчас мы на дороге одни.

В деревне встречает нас старая знакомая — колонка. А рядом, отойдя на забор, стоит пенсиякер Виктор Александрович Яковлев, ветеран воин германской и японской. Он тоже вспоминает: "Туристы — не у всех есть деньги там на пиво или лимонад — тут очередь выстраивалась к этой колонке. Шло стало меньше. Туристов очень мало. Очень. Разве вот к 200-летию..."

Безлюдно в деревне. Только петики кричат. Коров не держат, во всем Бугрове их не больше трех. Наконец на дороге показался человек в молдавской шапочке. Человек слегка пьяно покачивался, лицо выражало настроение элигическое. Николай Иванов, безработный холостяк-весельчак. Он помахал нам рукой и через забзубую улыбку процитировал: "Я памятник себе воздвиг нерукотворный..."

А в конце деревни нас ждал настоящий подарок: мы встретили Арину Родионовну. Эй-богу! Ольга Ивановна Яковлева родилась еще до революции. В 13 лет работала на льнозаводе, и ей оторвали пальцы, оттого "женщины какие обегали, какие так вот, и не вышла — и слава Богу". Мать ее знала еще тех стариков, которые помнили Пушкина, и оттого возили ее в Москву, и она там ученым людям всяко рассказывала. "Как слово скажет — так аллодисменты! Посадили ее: бабушка, кушайте... Спать уложили... Она и говорит: да я как в раю!" Саму Ольгу Ивановну присмотрел Гейченко. И усадил в домик няни смотрительницей. На прощание бабушка вспомнила нам "из Пушкина". Ну конечно же: "Подруга дней моих суровых. Голубка... ох, теперь уж мне годов на девятый десяток... дряхлая моя. Одна в глуши... в глуши... давно, давно ты ждешь меня".

И сразу на душе стало веселее. Дальше дорога сворачивала. Надо пройти мимо старой мельницы. А еще дальше — камень. По замыслу Семена Гейченко, от него начинался путь к поэту. Все ли дойдут? Главное — идти...

Николай НИКОНОВ,
Мария ПАНОВА.
Фото авторов.